

Дата поступления рукописи в редакцию: 03.06.2026 г.

DOI: 10.24412/2782-3849-2026-6-91-94

Дата принятия рукописи в печать: 25.06.2026 г.

МАЙСТРЕНКО Григорий Александрович,

*кандидат юридических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательского института
Федеральной службы исполнения наказаний России, Москва, Россия,*

e-mail: g.maystrenko@yandex.ru

ЦИФРОВАЯ ВАЛЮТА В МЕХАНИЗМЕ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ КОНФИСКАЦИИ И УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ИЗЪЯТИЯ: ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ НОВЫХ НОРМ УК РФ И УПК РФ

Аннотация. В статье исследуется правовая природа цифровой валюты как имущества для целей уголовного права и уголовного судопроизводства после внесения изменений в ст. 104.1 УК РФ и УПК РФ Федеральным законом от 20 февраля 2026 г. № 38-ФЗ. Обосновывается, что признание цифровой валюты имуществом устраняет лишь категориальный пробел, но не решает процессуальные вопросы установления фактического контроля, оценки, ареста, изъятия, перевода на адрес-идентификатор и хранения приватных ключей. Автор формулирует предложения по совершенствованию процессуальной модели обращения с цифровой валютой и обеспечению баланса между эффективностью расследования и гарантиями имущественных прав участников уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: цифровая валюта; криптовалюта; конфискация имущества; арест имущества; вещественные доказательства; электронные носители информации; уголовное право; цифровые активы.

MAISTRENKO Grigoriy Aleksandrovich,

PhD in Law, Senior Researcher of Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia

DIGITAL CURRENCY IN THE MECHANISM OF CRIMINAL-LAW CONFISCATION AND CRIMINAL-PROCEDURAL SEIZURE: PROBLEMS OF IMPLEMENTING NEW PROVISIONS OF RUSSIAN CRIMINAL LEGISLATION

Annotation. The article analyzes digital currency as property for the purposes of criminal law and criminal procedure following Federal Law No. 38-FZ of February 20, 2026. The author argues that the new legal status requires additional procedural guarantees: identification of factual control, valuation, arrest, seizure, transfer to an identifier address and safe custody of private keys. Proposals are made to improve the legal model and judicial control.

Key words: digital currency; cryptocurrency; confiscation; seizure of property; material evidence; criminal law; criminal procedure.

Цифровая валюта перестала быть исключительно финансово-технологическим явлением. В уголовно-правовой сфере она выступает предметом хищения, формой преступного дохода, средством расчета за запрещенные товары и услуги, инструментом легализации, объектом ареста и потенциальной конфискации. Новейшее признание цифровой валюты имуществом для целей УК РФ и УПК РФ стало необходимой реакцией на практику, в которой следователь и суд сталкивались с активом, обладающим стоимостью, но не имеющим привычной вещной формы. Цифровая валюта соединяет признаки имущества и компьютерной информации. Традиционное имущество можно обнаружить, индивидуализировать, оценить,

изъять и передать на хранение. Цифровая валюта существует в распределенной информационной системе, а фактическое распоряжение ею зависит от приватного ключа, seed-фразы, учетной записи или иной аутентификационной информации. Поэтому механическое применение обычных правил ареста и конфискации имущества способно привести либо к утрате актива, либо к нарушению прав участников процесса.

Российское законодательство использует термин «цифровая валюта», а не бытовое понятие «криптовалюта». В специальном законе она определяется через совокупность электронных данных, содержащихся в информационной системе, которые могут приниматься как средство платежа или инвестиция, но не признаются

денежной единицей Российской Федерации, иностранного государства либо международной расчетной единицей. Следовательно, цифровая валюта является не деньгами в публично-правовом смысле, а цифровым имущественным благом особого рода. о внесении специальных изменений правоприменитель был вынужден включать цифровую валюту в категорию «иного имущества» посредством толкования. Это позволяло квалифицировать отдельные деяния как преступления против собственности, но не давало устойчивого ответа на вопросы о конфискации, аресте, хранении, оценке и доказывании принадлежности. Федеральный закон от 20 февраля 2026 г. № 38-ФЗ изменил ситуацию: цифровая валюта прямо признана имуществом для целей уголовного и уголовно-процессуального законодательства.

Уголовно-правовое значение новой конструкции состоит в том, что цифровая валюта может рассматриваться как предмет преступления, средство совершения преступления, доход от преступления либо имущество, в которое преступный доход был преобразован. В контексте ст. 104.1 УК РФ это означает возможность конфискации цифровой валюты при наличии установленных законом оснований. Однако один и тот же цифровой актив может одновременно иметь имущественное и доказательственное значение, что требует процессуально точного определения его статуса.

Особое значение приобретает категория фактического контроля. Для обычной вещи важны владение и физическое обладание; для цифровой валюты - техническая возможность инициировать транзакцию. Юридическая принадлежность, технический доступ и фактический контроль могут не совпадать: злоумышленник может получить приватный ключ без законного права, потерпевший может утратить доступ к активу, а кастодиальный сервис может распоряжаться цифровой валютой от имени клиента. Поэтому квалификация преступления должна опираться не только на наличие цифровой валюты, но и на установление лица, реально способного распоряжаться активом.

Научная литература еще до последних изменений обоснованно указывала, что отнесение цифровой валюты к чужому имуществу позволяет квалифицировать насильственное, обманное или иное противоправное завладение доступом к ней по нормам главы 21 УК РФ. После прямого законодательного признания цифровой валюты имуществом этот вывод получает более прочную основу, но требует единообразного разъяснения момента окончания хищения: им должна считаться не только подтвержденная транзакция, но и фактическая

утрата потерпевшим исключительного контроля над активом, если виновный получил реальную возможность распоряжения им. [8]

Конфискация имущества является иной мерой уголовно-правового характера, направленной на изъятие экономической базы преступления. Пленум Верховного Суда РФ исходит из того, что конфискации подлежат деньги, ценности и иное имущество, связанные с преступлением, а также орудия, оборудование и иные средства совершения преступления при соблюдении условий ст. 104.1 УК РФ. Включение цифровой валюты в эту систему является закономерным, поскольку преступный доход все чаще принимает цифровую форму. [5] В то же время конфискация цифровой валюты не должна превращаться в автоматическое последствие обнаружения криптокошелька. Необходимо установить происхождение актива, связь с конкретным преступлением, принадлежность или фактический контроль, стоимость и добросовестность возможных третьих лиц. Блокчейн-адрес сам по себе не является субъектом права, а цепочка транзакций не всегда доказывает знание последующего получателя о преступном происхождении актива.

Существенная проблема связана с волатильностью цифровой валюты. Стоимость актива на момент совершения преступления, обнаружения, ареста и постановления приговора может существенно различаться. Если арест или конфискация обеспечивают гражданский иск, штраф или иное имущественное взыскание, суд должен учитывать количество цифровой валюты, источник котировки, дату и время оценки, а также предел соразмерного ограничения имущественных прав. Следует разграничивать конфискацию как итоговую уголовно-правовую меру и изъятие цифровой валюты как процессуальное действие. Изъятие на досудебной стадии не должно предрешать вопрос о виновности и последующей конфискации. В постановлении и протоколе необходимо указывать, в каком качестве обнаружена цифровая валюта: как предмет предполагаемого преступления, как имущество для обеспечения взыскания, как вещественное доказательство либо как актив, подлежащий возможной конфискации.

Новеллы УПК РФ имеют ключевое значение, поскольку впервые описывают технологический контур процессуального обращения с цифровой валютой. Закон закрепляет особенности наложения ареста, изъятия при производстве следственных действий, обязательное участие специалиста, изъятие материального носителя и возможность перевода цифровой валюты на адрес-идентификатор, позволяющий обеспечить

ее сохранность. [2] Статья 164.2 УПК РФ логически продолжает регулирование, начатое ст. 164.1 УПК РФ об особенностях изъятия электронных носителей информации. Однако ст. 164.1 УПК РФ ориентирована на носитель и копирование данных, а ст. 164.2 УПК РФ - на цифровую имущественную ценность, распоряжение которой может быть необратимым. Поэтому следователь работает не только с источником доказательств, но и с активом, который может быть утрачен в результате одной транзакции. [2] Изъятие цифровой валюты фактически может означать совершение новой транзакции. В классическом уголовном процессе изъятие вещи обычно сводится к перемещению предмета из владения лица в режим хранения. Перевод цифровой валюты на адрес-идентификатор является активным техническим действием в сети. Оно должно фиксироваться предельно подробно: вид цифровой валюты, количество, адрес отправителя и получателя, хэш транзакции, время операции, программное обеспечение, сведения о специалисте, обстоятельства доступа к кошельку и меры защиты приватных ключей.

Участие специалиста не освобождает следователя от процессуальной ответственности. Специалист обеспечивает техническую часть, но законность, пределы и доказательственную фиксацию следственного действия определяет следователь. Если требуются выводы о принадлежности кошелька, механизме транзакций, стоимости актива или связи адреса с конкретным лицом, участие специалиста не должно подменять судебную экспертизу. Судебный контроль должен распространяться не только на сам факт ареста цифровой валюты, но и на способ его исполнения. По общему правилу при аресте имущества суд должен указать фактические обстоятельства, срок и пределы ограничения. Для цифровой валюты дополнительно необходимо устанавливать конкретный актив, адрес-идентификатор, способ индивидуализации, допустимость перевода, порядок хранения, источник оценки и гарантии прав третьих лиц. [6]

Цифровая валюта создает особую доказательственную ситуацию. Запись в блокчейне обычно технически проверяема, но ее связь с конкретным лицом требует доказывания. Наличие адреса в сети не устанавливает владельца, а наличие приватного ключа у лица не всегда означает законную принадлежность актива. Поэтому технические сведения должны сопоставляться с результатами осмотра, обыска, выемки, компьютерной экспертизы, показаниями, данными обменных сервисов и иными доказательствами. Следственная ошибка часто состоит в подмене объекта исследования.

Аппаратный кошелек, мобильный телефон, файл ключа, seed-фраза, скриншот биржевого аккаунта и запись в блокчейне - разные объекты с разным процессуальным режимом. Если следователь признает вещественным доказательством только материальный носитель, но не фиксирует параметры цифровой валюты, доказательственная картина остается неполной. Если же описывает цифровую валюту без надлежащего исследования носителя и источника доступа, возникает риск недопустимости доказательства.

В научной литературе до принятия ст. 164.2 УПК РФ указывалось, что прежнее регулирование не содержало специального порядка изъятия цифровой валюты из электронных носителей и ее перевода при производстве следственных действий. Законодательный ответ появился, но его необходимо наполнить криминалистическим содержанием: первичная фиксация устройства, исключение удаленного доступа, создание копии, проверка кошельков, оценка риска списания, перевод при наличии оснований, фиксация хэша транзакции и контроль целостности цифровых следов. [7] Допустимость результата будет зависеть от того, насколько следователь сможет объяснить суду технологическую сторону действия. Суду недостаточно формулы «цифровая валюта изъята». Необходимо видеть, каким способом установлен адрес, почему он связан с обвиняемым, как подтверждено количество актива, каким образом исключено вмешательство третьих лиц и почему специалист обладал достаточной квалификацией.

Во-первых, в УПК РФ целесообразно закрепить понятие фактического контроля над цифровой валютой как подтвержденной технической возможности лица самостоятельно или через посредника инициировать распоряжение цифровой валютой посредством закрытого ключа, учетной записи, аппаратного устройства, кастодиального сервиса или иной аутентификационной информации.

Во-вторых, ст. 164.2 УПК РФ следует дополнить расширенными требованиями к протоколу: адреса-идентификаторы отправителя и получателя, хэш транзакции, сеть цифровой валюты, количество актива, источник определения курса, программное обеспечение, данные специалиста, технические средства фиксации и меры, исключающие разглашение закрытых ключей.

В-третьих, необходим государственно регламентированный механизм хранения цифровой валюты. Перевод на адрес-идентификатор будет безопасным только при наличии правил генерации адресов, распределения доступа, резервного хранения

ключей, внутреннего аудита, запрета единоличного доступа должностного лица и ответственности за утрату актива.

В-четвертых, требуется стандарт оценки цифровой валюты. В судебном решении об аресте должны указываться дата и время оценки, источник котировки, рублевый эквивалент и предел ограничения. При существенном изменении стоимости заинтересованное лицо должно иметь право ходатайствовать о корректировке объема ареста.

В-пятых, Верховному Суду РФ целесообразно подготовить разъяснения о моменте окончания хищения цифровой валюты, критериях принадлежности и контроля, правилах оценки, допустимости перевода на адрес-идентификатор, пределах ареста у третьих лиц и стандартах проверки цифровых доказательств. Признание цифровой валюты имуществом для целей уголовного права и уголовного процесса является своевременным шагом. Оно устраняет прежний базовый пробел, связанный с невозможностью однозначно применять к цифровой валюте режим конфискации, ареста и изъятия. Однако категориальное решение не заменяет процессуальной модели обращения с активом, существующим в распределенной информационной среде.

Цифровая валюта не тождественна ни наличным деньгам, ни безналичным денежным средствам, ни обычной вещи, ни электронному документу. Это цифровой имущественный объект, управление которым осуществляется через криптографический доступ. Поэтому уголовный процесс должен оперировать категориями контроля, адреса-идентификатора, транзакции, приватного ключа, цифрового хранения и технологической верификации.

Оптимальная модель предполагает межотраслевую связку: уголовное право определяет основания конфискации и квалификационное значение цифровой валюты; уголовный процесс устанавливает порядок ареста, изъятия, перевода и хранения; криминалистика разрабатывает алгоритмы обнаружения и фиксации; судебная практика формирует стандарты допустимости и соразмерности. Только такая конструкция позволит повысить эффективность расследования цифровых преступлений и одновременно сохранить

гарантии прав личности.

Список литературы:

[1] Гаврилин Ю. В. Уголовно-процессуальный порядок наложения ареста на цифровые валюты // Криминологический журнал. 2023. № 2. С. 30-33. DOI: 10.24412/2687-0185-2023-2-30-33.

[2] Яковлева С. А., Аверина Е. А. Цифровая валюта - предмет взаимосвязи уголовного права и уголовного процесса // Вестник Марийского государственного университета. Серия «Исторические науки. Юридические науки». 2022. Т. 8. № 1. С. 91-102. DOI: 10.30914/2411-3522-2022-8-1-91-102.

[3] Макарова В. В. Конфискация имущества: отдельные вопросы теории и практики // Уголовно-исполнительное право. 2022. Т. 17(1-4). № 3. С. 393-400. DOI: 10.33463/2687-122X.2022.17(1-4).3.393-400.

[4] Кайгородова О. С. Решение вопроса о возможности наложения ареста на цифровые финансовые активы, цифровую валюту // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2022. URL: <https://sibreadings.bgu.ru/classes/pdfDL.ashx?id=24945> (дата обращения: 03.06.2026).

References:

[1] Gavrilin Yu. V. Criminal Procedure for Seizing Digital Currencies//Criminological Journal. 2023. № 2. S. 30-33. DOI: 10.24412/2687-0185-2023-2-30-33.

[2] Yakovleva S. A., Averina E. A. Digital currency is the subject of the relationship between criminal law and criminal proceedings//Bulletin of Mari State University. Series "Historical Sciences. Legal sciences." 2022. VOL. 8. № 1. S. 91-102. DOI: 10.30914/2411-3522-2022-8-1-91-102.

[3] Makarova V.V. Confiscation of property: certain issues of theory and practice//Criminal enforcement law. 2022. T. 17 (1-4). № 3. S. 393-400. DOI: 10.33463/2687-122X.2022.17(1-4).3.393-400.

[4] Kaygorodova O.S. Decision on the possibility of seizure of digital financial assets, digital currency//Siberian criminal procedure and forensic readings. 2022. URL: <https://sibreadings.bgu.ru/classes/pdfDL.ashx?id=24945> (access date: 03.06.2026).